

Дмитрий Васянович

Водитель Бармалео

I.

Всё можно словом сотворить,
О сём не раз твердили прежде —
Отнять иль подарить надежду,
Возвысить знанием невежду,
В лекарство воду обратить...
А коль дарован тонкий слух
Тебе Владыкой Всемогущим,
Ты сможешь слышать сонм поющих,
Пророчествовать о грядущем,
Но проклят будешь тем, кто глух.

Уж и не вспомню, в каком году возвращались мы с Юркой Мошкиным после выступления нашего танцевального кружка в театре имени Абая-Достоевского. Забрались в дребезжащий полупустой автобус-лиазик тридцать восьмого маршрута, гружённые пакетами с костюмами и ичигами, прокомпостировали билетки, убедились, что те несчастливые — а значит, можно их не есть; заняли позицию у заднего окна: там веселее. Автобус подпрыгивает на кочках, а в самом его «хвосте» так подбрасывает легковесных пассажиров-школьников, что и головою можно удариться. Особенно если взяться двумя руками за поручень, что вдоль окна протянулся, ноги в коленях слегка согнуть — вот уж тогда можно и в космос улететь! И пакеты с костюмами на Земле не удержат. Смешно и радостно юным танцорам!

Но на первой же остановке мы смеяться перестали, потому что объявила её внезапно и громогласно на весь салон сидящая спиной к водителю, а к нам передом, не по сезону тепло одетая дама в старушечьем платке и больших солнцезащитных очках-«стрекозах»:

— Остановка «Магазин „Олимп“». Выход на мост. В две тысячи двадцать четвёртом году часть мостовых перил снесёт сильным порывом ветра. К счастью, обойдётся без жертв.

Мы замерли, а потом прыснули от смеха.

— Она сумасшедшая, — со знанием дела поставил я диагноз тётеньке-«стрекозе».

Она же как будто и не заметила наших смешков. Каждую последующую остановку объявляла тем же заробно-зычным гласом.

— Остановка «Левый берег». Выход к речному вокзалу. К началу следующего века из-за построенной выше по течению гидроэлектростанции Иртыш совсем обмелеет. Прогулочные катера не станут более бороздить речную гладь. Надобность в речном вокзале исчезнет, и он будет наглухо заколочен. Осторожно, двери закрываются!

Честно говоря, внутриутробный голос женщины внушал мне страх. Не знаю, чего я боялся больше — механически-ровной интонации, или чрезмерной силы голоса, благодаря чему его не заглушало даже дребезжание автобуса, или этой настойчивости, с которой в наши головы вкладывалась информация, хотя никто её слушать не хотел. И потом, ты никогда не знаешь, чего ждать от сумасшедших... Если б я ехал один, я вышел бы из автобуса ещё на речном вокзале и отправился до дому «пёхом» с пакетами наперевес. Но рыжий Юрка как будто разбавлял своим присутствием напряжение в салоне, рядом с ним было не так страшно. Весёлый Юрка парень. Пересмешник конопатый. Вот и спокойнее около него.

— Остановка «Улица Народная». К двухтысячному году улица Народная станет центральной улицей города, широким проспектом, важной транспортной артерией с современными развязками.

Ну уж это была совершенная ерунда! Улица Народная с рядом покосившихся частных домов никак не могла стать центральной! В этих домах и водопровода нет, и обитатели их добывают воду из в наклон установленной колонки. Туалеты у них деревянные во дворах — отличная будет центральная улица!

Я театрално закатил глаза: мол, и не стыдно нести такую чушь? Людей, кроме нас, в автобусе было немного, имелись даже свободные сиденья, но пассажиры деликатно «не замечали» комментаторшу, буднично смотрели в окно, словно видели городской пейзаж в первый раз. И водитель микрофон в руки не брал и остановок не объявлял, видимо, полностью доверив это дело загадочной пассажирке. Передал полномочия, так сказать.

Мошкин выходил на следующей, мне же ехать на одну остановку дальше, до технологического института. Но слушать громогласные бредни

в одиночку было выше моих сил, для этого я был слишком уж нервным и впечатлительным. Я выскочил из автобуса вместе с Юркой, рассказав ему заодно то, что читал о сумасшедших в учебнике по судебной психиатрии. Да-да, читал добровольно и с интересом. Не весь учебник, правда, а описанные мелким шрифтом в нём примеры из собственной практики авторов издания. Примеры ужасающие, но поучительные. Как раз о том, что от помешанных не знаешь чего ожидать. Не стану те примеры вам приводить — если интересно, прочтёте сами. Они не для слабонервных, но мальчишеский пытливый ум занимали изрядно. Вероятно, ввиду отсутствия в нашем детстве фильмов ужасов.

Учебник этот стоял в книжном шкафу моего деда, Дмитрия Ивановича, в прошлом, ни много ни мало, заместителя начальника уголовного розыска по Семипалатинской области. Была на полках и художественная литература, но там таких реалистичных кошмаров не прочтешь. Ну разве что в цикле северных сказок Александра Сергеевича Пушкина — их я тоже неоднократно перечитывал.

Новый мост в Семипалатинске к двухтысячному году построили японцы. Загорался он и подсветкой разноцветной. Виден был издалека и на ту пору стал настоящей диковинкой и самой внешне впечатляющей семипалатинской достопримечательностью.

Помню, я тогда шутил, что такой шикарный мост в нашем городке сродни хрустальному мосту в деревне из мультфильма «Волшебное кольцо». Правда, время внесло свои коррективы: ныне он изрядно износился, дорожное полотно на нём то ли не могут сделать гладким, то ли это технически невозможно, — и автолюбители, проезжая по заплаткам и кочкам, клянут и сам мост, и всех тех, кто к его содержанию причастен.

Но к открытию такого моста были снесены на скромной улочке Народной все ветхие домишки вместе с деревянными туалетами и покосившимися заборами да проложен широкий проспект, транспортная артерия с круговыми развязками — такая, похоже, какую много лет назад видела проезжавшая с нами в автобусе тридцать восьмого маршрута женщина-«стрекоза».

Я вспомнил загадочную пассажирку уже в новом веке, увидев, как преобразилась эта часть города моего детства. Вспомнил и объят был священным трепетом. Строительство моста действительно сделало Народную широким проспектом, и в некотором смысле, чего уж скрывать, центральной улицей города. Правда, проложенный проспект получил новое название, а от улицы Народной остался маленький кривой аппендикс посреди дворов, но не суть.

Кем была та провидица, которую и мы с Юркой, да и другие пассажиры считали сумасшедшей?

Откуда взялась блаженная предсказательница в степном городке на востоке Казахстана? Как много пророчествовала она в тот день людям, не желавшим её слушать? Что ещё можно было узнать, не выскочи я с Юркой раньше, о том, каким будет Семипалатинск через много лет? Кто из горожан помнит её? Кто ещё слышал эти предсказания? Ведь в тот день мы с Юркой ехали с ведуньей в автобусе не одни!

Святая ли она? Такое тоже может стать. Земля семипалатинская разными святынями освящена бывала. До революции в городе стояло десять православных храмов и часовня. Это к моему рождению осталось всего одна церковь — говорили, что уцелела самая маленькая. Большевикам она глаза не мозолила. Возвышались некогда здесь католический собор, синагога и целая дюжина татарских мечетей! Своими глазами лицезрел их сосланный сюда за вольномыслие Фёдор Михайлович Достоевский.

В этих краях в восемнадцатом веке житель степей верхом на коне гнал на выпас стадо и заметил светящуюся в ветвях дерева чудотворную икону Богородицы, Знаменско-Абалацкую. Сообразив, что видел похожее изображение у православных, поехал за русским священником, а тому в руки она не далась. Пойти не захотела. Батюшка-то и обратился к пастуху: неспроста тебе она явилась, попробуй ты её взять. Спешился мужичок с коня, встал на колени, помолился по-своему, как умел, и взял икону в руки. А рядом ключ святой бить из земли стал.

В честь этого чуда в окрестностях Семипалатинска и монастырь женский построили, иконе обретенной посвятили. Советская власть монахинь в тридцатых годах прошлого века разогнала и устроила в сестринских кельях детский лагерь. Уже в моём детстве по большим праздникам церковным отдыхающих детей из лагеря уводили поглубже в сосновый бор, в поход, чтобы неокрепшие умы советских школьников не смущать видом крестного хода и большого стечения верующих на святой ключ.

Мне довелось испить воды из этого ключа. Только глотнул, как уши заложило и в глазах потемнело, словно белый день померк. Постепенно в голове просветлело, и мир засиял иными красками.

— Бес вышел, — сказали знающие люди. — Обновился ты.

Показали мне в тот день и единственную уцелевшую от монастыря лесенку деревянную. Она спускалась по пологому склону к реке. Монахини своими руками сколотили её. За столько лет не рассыпалась, сохранилась!

Сказывали, что ворвались вооружённые красноармейцы в монастырь прямо во время литургии. Велели монахиням идти на все четыре стороны, а священнослужителей расстрелять намеревались.

Сёстры скорёхонько обрядили священника и дьякона в монашеские одеяния, замотали бородастые лица платками и вывели их под видом блаженных инокинь через оцепление невредимыми за ворота обители.

Свершались на этой земле чудеса и в стародавние времена, и много позже, в чём убедился я. И вы теперь знаете о некоторых из них.

2.

Вещали новости космических миров:

На Марсе нынче не хватает шоферов!

И если ты рвануть туда готов,

Оставив Землю, что могёт не каждый,

Тебя в отделе космокадров видеть жаждут

Субботу каждую, с двенадцати часов!

Нынче переезжаем мы японский мост с левого берега на правый — и тут, в частном секторе, возле православного Воскресенского собора, стоит деревянный домик с красной крышей, где повесился наш Лёвушка — Лёва Заmkовой. Самый красивый мальчик в нашем классе. Он лучше всех рисовал и, наверное, мог бы стать художником. Или шофёром. Он сам мне говорил, что мечтает быть шофёром — произносил он это почему-то с ударением на букву «о». И это в ответ на мои слова о том, что буду космонавтом, когда вырасту!

— Всего-то шофёром! — хмыкнул я.

— Буду возить тебя по инопланетным дорогам, — парировал Лёва. — Ты же захочешь посмотреть, как и что устроено на других планетах. Прилетишь на Марс, а тут я на машине: «Садитесь, товарищ космонавт Васянович, я доведу. Вам куда — в Марсианский театр или на речной вокзал?»

Вот тут-то и задумался я: а как же мне без Лёвы в космос лететь? Везде он будет нужен, надёжный шофёр со своей автомобилью! Но Лёва покончил жизнь самоубийством — и мои полёты в космос отменились...

Когда мы закончили школу, родители Лёвины развелись, и мама с сыном переехали с Цемпосёлка в район Новостройки. Одноклассники рассказывали, что Лёва связался там с криминальной компанией и даже попробовал наркотики. То ли спасая сына от вредоносных друзей, то ли по другой какой причине, мама его продала квартиру и купила частный дом на другом берегу, ближе к церкви. И однажды, придя с работы, нашла сына повешенным на дереве в собственном саду.

Сколько ему было? Восемнадцать, наверное. Не больше. Самый красивый парень нашего класса, настоящий художник. Таким мы его запомнили.

Выпускных экзаменов в наше время было три. Два обязательных — русский письменно и математика устно — и один на выбор. Я уговорил Лёву добровольно сдавать астрономию. За компанию со мной. Все выбирали предметы, которые

пригодятся в выбранной профессии. А космонавту и его водителю без знаний астрономии не обойтись. Наша классная руководительница, преподаватель физики и астрономии Надежда Николаевна Сороко (для нас просто Сорока) была в шоке:

— Ребята, ну вы чего? Никто из выпускников в потоке не хочет сдавать астрономию. Мне из-за вас двоих собирать экзамен, составлять вопросы для билетов, комиссию собирать?! На моей памяти за четверть века никто астрономию не сдавал. Подумайте хорошенько. Дима, тебе биологию можно выбрать, а Лёве — геометрию или историю.

Но будущий космонавт был упрям. И верный его водитель молчаливо своим смиренным надёжным держал оборону. За неделю Надежда Николаевна раза три приступала к нам с угрозами. И всё безрезультатно. В итоге, вздыхая и неодобрительно качая головой, вписала в важный экзаменационный документ напротив наших фамилий заветную «астрономию». Мы торжествовали. Во всяком случае, я торжествовал, а Лёва радовался сдержанно. Больше за компанию.

И что вы думаете? Астрономию Лёва в итоге-то сдавал один!

Нет, ребята, не вышел бы из меня космонавт. В космос не пускают таких вот импульсивных типов с моей-то подвижной нервной системой! А Лёва отличный кандидат — здравомыслящий, сдержанный, рассудительный и прилежный.

С детства был я волнующимся и переживательным ребёнком. Любая мелочь могла вывести меня из себя, лишит самообладания и довести до слёз. Опыт сдачи экзамена в девятом классе показал, что и везение — не мой конёк. Из тридцати одного билета по алгебре я не успел подготовиться только к последнему. Вы уже догадываетесь, каким был номер вытянутого мною билета. Вместо того чтобы попросить второй шанс в лотерее, я покорно взял роковой листочек, сел за парту и расплакался. Учительница, знающая меня как твёрдого хорошиста, пыталась выведать причину моих слёз, но я так накрутил сам себя, что не мог ничего ей ответить. Она поставила мне четвёрку, объявив на весь класс, что идёт мне на уступку только с учётом моей отличной успеваемости в течение прежних лет и что четвёрка эта будет мне скорее укором, чем наградой, и подразумевается в ней огромный минус — как от Земли до Луны. А это триста семьдесят тысяч километров выходит. Немаленький такой минус. С таким минусом от четвёрки ничего не остаётся. Ещё и должен будешь.

Но расстроила и опечалила меня вовсе не оценка, а моя неуправляемая истерика. На случившемся в канун выпускных экзаменов медосмотре пожаловался я невропатологу на безудержные свои волнения, и доктор, глядя на меня поверх очков, предложила от экзаменов меня освободить. Обрадовался этому «неврастеничный космонавт»

и, конечно, согласился. Собранная в детской поликлинике по моему случаю врачебная комиссия махнула на меня, тщедушного и болезного, рукой и инициативу невропатолога поддержала, утвердив своё решение несколькими печатями.

Вот это было избавление! И радостью своей поделился я с верным инопланетным шофёром. А тот в ответ:

— А как же астрономия? Что же, я теперь один сдавать её буду?

На меня словно ушат холодной воды вылили. Радость улетучилась, и появилась досада оттого, что Лёва за меня не рад. Ранила его реакция мой юношеский эгоизм.

— О-хо-хо, — заививался я, осознавая, что на приёме у врача ни разу я о Лёве не вспомнил и выглядит это не самым красивым образом. Но чтобы не мучиться угрызениями совести, отрезал: — Прости, Лёвка, но у меня освобождение на руках!

В общем, отмахнулся я от растерянного товарища.

Наверное, он обиделся. Предал недокосмонавт своего верного шофёра. Предал и даже не опечалился. Впереди маячила новая, зашкольная жизнь, к школьной же я потерял уже всякий интерес.

И на выпускной вечер я не пошёл. Все меня увещевали, что бывает он раз в жизни, и будет весело, и отправимся мы всем классом встречать рассвет, как в советских добрых фильмах. Но я был непреклонен. Ничего более не держало здесь мою душу и сердце.

Оценки в аттестат мне выставили текущие, и я выпорхнул из школы, не попрощавшись с нею и всеми, кто со мною учился и меня учил. Забежал после за аттестатом в кабинет завуча.

И с Лёвой после уже ни разу не встретился.

А теперь и рад бы, да не смогу. Гоняет он где-то на машине, шоферит в иных мирах — хохотун и фантазёр, такой чуткий и ранимый, и в то же время невозможный упрямец.

3.

Глянь, по марсианской трассе

Едет Лёва в тарантасе —

В красной кепке, в алой шубе.

Здесь он свой, его здесь любят.

Как мустанг в степи ковыльной,

Он несётся в туче пыльной.

В телескоп с Земли глядят:

«Жизнь на Марсе — сущий ад!»

Только бури-ураганы,

Мелкопыльные бураны

За собой ведёт со свистом

Кто-то красный и пушистый!

Одуванчики на Марсе красного цвета. Под парашютиком же острая семечка, способная врезаться

в камень. Из-за них марсианские скафандры сверхупругие. Иначе выйди на поверхность в период, когда одуванчики семена лететь отпускают, — и превратишься в решето.

Созревают одуванчики одновременно — миллиарды миллиардов парашютиков взмывают ввысь и, носимые марсианским ветром, образуют вихри и ураганы над поверхностью. А с Земли фиксируются на Марсе пыльные бури.

В такие дни лучше не высовывать носа из бункера, отсидеть взаперти, пока не осядут семена в грунт, не укрепятся в нём и не утишатся одуванчиковые выюги до поры до времени.

— Здравствуйте, Доктор! Куда едем — в Марсианский театр или на речной вокзал?

Я взгромоздился на пассажирское сиденье позади водителя:

— Хорошая шутка. Вы новичок? Где Юрий Иваныч? Комар то есть?

— Гуру доверил мне самостоятельные поездки. Я стажёр. Бармалео.

Водитель развернулся корпусом ко мне, насколько это было возможно, и протянул широкую ладонь. Пришлось её пожать.

— Так куда едем?

У него лопатой росла борода — от уха до уха, что, впрочем, объясняло его позывной.

— Опытное поле номер два, затем семнадцатый водоучасток, и завернём по пути в одно местечко на поверхности, я покажу. Ну и вернёте меня назад.

— В целости и сохранности верну, не извольте беспокоиться.

Водитель оказался из того разряда положительно заряженных балагуров, кто не помолчит и минуты. Через зеркало он смотрел на меня, я видел его смеющиеся серые глаза и, поджав губы, постарался дать понять кислой своей миной, что в дороге разговаривать не намерен. Демонстративно достал планшет, вытянул до размера А4 и уткнулся в него. Доктор работает.

— Опытное поле номер два, — сказал водитель навигатору, — поехали. А вы не называли своего имени.

— Что? — я не сразу понял, что он ко мне обращается. Несмотря ни на что!

— Я Бармалео, — водитель опять обернулся и говорил, чеканя каждое слово, как будто я понимаю только медленную речь. — А вас как зовут?

— Дмитрий Николаевич. Можете звать меня Доктором. Смотрите на дорогу, пожалуйста, я волнуюсь.

Бармалео послушался, вперил взгляд в лобовое стекло — и это уже успокаивало.

— Я планирую порабо... — начал я, но он бесцеремонно перебил:

— Вы не волнуйтесь, Доктор Дмитрий, я человек опытный, — и стал нарочито петлять по ровному тоннелю зигзагами, видимо, чтобы продемонстрировать свою способность совершать

различные кульбиты. Но, поймав мой сердитый взгляд в зеркале, рассмеялся и выровнял машину. — Это на Марсе я всего десятиый день, а до этого дюжину земных лет проработал на Луне и четыре на Европе. Это тоже луна, но Юпитера.

— Я знаю, где это, — буркнул я, свернул планшет до размера спичечного коробка и убрал его в нагрудный карман — всё равно разговоров не избежать, а пропускать болтовню Бармалео мимо ушей не удавалось: его тембрисый басок и насмешливая интонация, словно бы он старается поддеть меня, притворяясь проще, чем есть, невольно проникали в ухо и напрямую в слуховой отдел мозга.

Казалось, даже заткни я уши, буду слышать этого бородатого Бармалея. Одним словом, я сдался.

— Шестнадцать лет стажа? — недоверчиво переспросил я. — Вы, верно, выглядите моложе своих лет.

— Все так говорят, — с готовностью отозвался он. — Я вон и бородищу носить стал специально, чтобы за мальчишку не принимали. Гены у нас такие. Отец до сих пор как пацан выглядит. А вообще мне тридцать четыре.

Я хмыкнул:

— Что-то не сходится арифметика, — сказал я, глядя в серые смеющиеся глаза в зеркале. — Вы пошутили?

— Ничуть, Доктор Дмитрий.

— Давайте уж либо «Доктор», либо «Дмитрий». Вместе невесть что выходит, — оборвал я его. — Вы хотите сказать, что с восемнадцати лет работали на Луне?

— Так точно.

— Удивительно, да. Не знаю, кто бы пустил на лунную базу неопытного мальчишку. Я знаю, какие там требования при отборе кандидатов. Сам через это проходил.

— Опытный отец пустил. Он на Луне давно работал, начальство возил, вот и пристроил. Вырвал из неблагоприятной среды, так скажем.

Машину вдруг подбросило — и я едва не ударился головой.

— Ах ты ж... — Бармалео крепко ругнулся. — Не заметил лежачего полицейского. Зачем они тут? Много лихачей?

Я поморщился. Не люблю, когда сквернословят. Хотел было съязвить, что из неблагоприятной среды вырвали его, похоже, не целиком, корни остались, но вовремя сдержался. Кто знает, не задену ли за живое?.. Да и на вопрос про лихачей можно было бы ответить с подколом.

Пока боролсь во мне бесы и ангелы, водитель поинтересовался, по-своему, видимо, истолковав гримасу на моём лице:

— Вы не ударились, Дмитрий?

— Нет, — и тут ангелы победили, и я решил перевести тему. — А позывной «Бармалео» вам дали из-за бороды?

Он рассмеялся:

— Кто бы посмел? Хотел бы я посмотреть на смельчака такого, — Бармалео поиграл мускулами, чтобы наглядно показать: он способен за себя постоять.

Опасный, опасный тип, однако. У меня хорошо развита чуйка на таких.

— Я сам себе его выбрал, — заявил он. — Никогда не любил положительных персонажей. Приторные они и малахольные, что ли... Ну и красиво же: Лео-Лео-Бар-ма-лео.

— А вы не из Казахстана, случайно, Лео-Бар-малео?

— Как вы догадались? — впервые глаза водителя не щурились хитро в зеркало, а заметно округлились.

Мне льстило, что я попал в точку.

— Элементарно, Ватсон! Дедукция. «Бар ма» по-казахски — «есть», «в наличии», — выдал я свой расклад. — Лео бар ма? Лео здесь есть? И, переставив слегка слоги, получаем ваш позывной. Вас наверняка Львом зовут?

— Голова-а-а, — искренне удивился рассекреченный Лев. — Вот что значит доктор!

Он поднял палец вверх — и я рассмеялся. Осознание маленькой победы моего рации и интуиции над неплохо составленным ребусом доставило мне удовольствие. Бармалео уже не вызывал у меня раздражения — я даже отметил, что он довольно обаятелен.

— Мы с вами ровесники и земляки, — я уже не мог остановиться, вдохновившись. Язык развязался, и я выложил информацию о себе, чего обычно стараюсь не делать. — Мне скоро будет тридцать четыре, и я тоже из Казахстана. Из Семипалатинска. Ныне Семей.

Бармалео резко ударил по тормозам — и я всё-таки крепко ударился лбом о спинку его сиденья.

— Васянович, ты, что ли?!

И снова выругался.

4.

Погляди на эти снимки —

Что ты видишь, расскажи!

Здесь засняты невидимки,

Призраки и миражи.

Снять на фото то, что видно,

Не потребует труда —

Примитивно, несолидно,

Чепуха и ерунда!

Скараулить невидимок —

Вот изысканный талант!

Редкий кадр, ценный снимок —

Невидимки и сервант!

С Лёвой мы были закадычными и неразлучными друзьями до четвёртого класса. Гуляли вместе после уроков, ходили друг к другу в гости. А потом почти шесть лет не разговаривали.

Рассорились по глупости. Оттого, что я любил щекотать людей. Мне казалось, что таким образом я делаю мир радостнее — все же смеются. Особенно щекотуемый.

А Лёва боялся щекотки. Я и сам боялся. Но умел сдерживать себя. Мама научила, увидев, как я закапываюсь от смеха, если меня щекочут.

Она поговорила со мною серьёзно:

— Так дело не пойдёт, Дима. Боязнь щекотки — это твоя слабость. А слабость показывать нельзя. Это может привести к беде.

— К какой беде?

— Плохие люди поймут, что управлять тобой легко, и могут использовать это во зло.

— Как использовать, мам? Ну например?

— Они станут щекотать тебя — и ты всё отдашь, что им нужно, расскажешь все тайны — свои и чужие, выдашь близкого человека.

Вот это был поворот!

— Но что мне делать, если сильно щекотно?

— Перетерпеть. Выдохнуть, расслабиться. И если ты вытерпишь первые несколько секунд, то сам поймёшь, что тебе уже не щекотно. Один раз победишь щекотку — и уже никогда не станешь её бояться. Да и человек, который тебя щекотал, потеряет к этому делу всякий интерес. Щекотать интересно только того, кто смеётся.

Ах, как она была права! Ах, как интересно щекотать тех, кто щекотки боится!

Мы уже перешли в четвёртый класс, когда я подкрался к Лёве в школьном коридоре — и давай щекотать «львиные» рёбрышки. Это я был тем человеком, который прознал слабость товарища и теперь заставлял его смеяться против его воли — и задорно смеялся сам!

Он взбрыкивал, как жеребёночек, и пытался вырваться, но к тому времени я изрядно поднаторел в искусстве удерживания хохочущего объекта и не отступал ни на шаг. Спасаясь от моих рук, играющих на нём расходящиеся гаммы, Лёва сначала сел на корточки, а потом и вовсе растянулся прямо на полу в коридоре. Мне это показалось высшей степенью веселья, а потому я, раскрасневшийся и радующийся, нападки свои не прекратил, а только усилил. Прилежный, всегда в наглаженной рубашечке и брюках, аккуратно стриженный и причёсанный, Лёва катался по полу школьного коридора и вслепую отбивался от меня руками и ногами. Школьная рубашка совсем вылезла из его штанов и задралась, обнажив тщедушное тело не льва, а птенчика.

— Ну разбесились! Такие игры до добра не доводят! — обычно говорила в таких случаях моя мама. — Так смеётесь — значит, плакать будете!

И снова она оказывалась права! Этот закон всегда работал — и работает по сей день. Можете не проверять!

Загнанный в угол, пытаюсь отбиться от назойливого щекотуна, Лёва в конце концов весьма

ощутимо пнул меня ногой в жёстком школьном ботинке прямо по лицу. Да так пнул, что из глаз моих искры посыпались, а половина лица онемела.

Только такой волшебный пендель мог меня остановить в тот момент. И остановил. Мне стало не до смеха. Но вины своей в произошедшем я не видел ни грамма.

— Дурак ты, Лёва!

Прикрыв горящую от удара щёку рукой, я поднялся с колен и отошёл от товарища, который тоже теперь не смеялся, а порывисто и решительно заправлял рубашку в брюки и был хмур, как грозовая туча, и красен, как раскалившееся железо. Он резко подхватил свой портфель и гигантскими шагами ушёл в класс. А я отправился мочить под проточной холодной водой руку и прикладывать к онемевшей щеке. Юрка Мошкин, как закалённый в драках боец, посоветовал. Чтобы синяка не было.

Остаток этого дня я с Лёвой не разговаривал.

И на следующий день делал вид, что его не замечаю. Мне казалось, что он обязательно подойдёт примириться первым. Так всегда бывало раньше, когда случался у нас разлад или разногласие. Тем более, рассуждал я, он пнул меня по лицу, тогда как я просто шутил и заставлял его смеяться. Значит, ему и примириться первому.

Но Лёва думал иначе. А как именно — мне было неизвестно.

Не замечали мы друг друга и через день, и на следующей неделе, и спустя месяц. А потом привыкли не замечать — и стали жить так, друг без друга, из года в год. Даже если мы оставались дежурить по классу вместе, каждый делал своё дело, игнорируя факт присутствия другого.

Мы не стали врагами. Мы стали пустотой друг для друга — и не предпринимали никаких попыток для сближения. Никто из нас вроде в этом не нуждался и даже не переживал по этому поводу. Ни одноклассники, ни учителя, ни родители не заметили ничего, и на общую атмосферу в классе наш разлад никак не повлиял. Поссорились два комара, подумаешь!

Но однажды я всё-таки увидел его. В седьмом классе. Ровно на пять минут. На перемене между вторым и третьим уроком.

Мы пришли в кабинет алгебры и геометрии, и за последней партой Лёва обнаружил стул, на котором не было сиденья. Он, смеясь, уселся прямо в каркас стула и провис в него задним местом. Включившись в эту игру, ребята из нашего класса налетели на него стайкой и, надавив на плечи, протолкнули Лёву ещё глубже. Он сложился, как перочинный ножик, и безнадежно застрял в этой конструкции с прижатыми к груди коленями.

Это вызвало новую волну неудержимого смеха в классе. Мальчишки не могли остановиться в своих затаях, подняли стул со скрюченным Лёвой и водрузили его на парту. Ну чем не родоновский

«Мыслитель»? Вот это потеха! Смеялись абсолютно все. Сам Лёва смеялся тоже. И даже я не мог сдержаться, хотя до этого случая уже в течение нескольких лет ничто, связанное с экс-товарищем, меня не трогало.

— Отпустите, вытащите меня! — вдруг раздался отчаянный голос, и Лёва заплакал.

Это была такая неожиданная перемена в нём, что сначала в классе наступила тишина, и несколько секунд никто не двигался со своих мест. Словно в наших головах никак не мог переключиться тумблер с веселья на сочувствие. Ведь только что всем было так смешно!

Все оторопели. Двигался только Лёва. Он отчаянно расшатывал стул и плакал. Плакал! Я не помню, кто первый протянул ему руку помощи, но сразу же к спасению подключились все — и высвободили пленника из металлического каркаса. Лёва выбежал из класса и в этот день на уроки уже не пришёл.

Я же до самой ночи думал о его слезах. Почему он заплакал? Ведь это была только шутка. Его никто не хотел обидеть. Было ли ему физически больно, или ранила Лёву его беспомощность, выставленная напоказ?

На следующий день Замковой пришёл, по обыкновению, спокойный и тихий, и никто его ни о чём не спрашивал. Сделали вид, что ничего не случилось. Перемотали плёнку назад, вырезали эпизод и склеили. Жизнь вернулась в прежнее русло и потекла своим чередом. И, как прежде, мы с Лёвой продолжали не замечать друг друга.

В конце девятого класса было объявлено, что продолжить обучение дальше смогут только самые достойные, показавшие отличные результаты в учёбе, а следовательно, нацеленные на получение высшего образования. Прямо в школьной столовой было организовано совместное собрание с родителями и нами, учениками, которые решили пойти в десятый класс. В том, что Лёва продолжит учёбу, сомнений не было. Как и я, он учился на «четыре» и «пять». А вот Юрка Мошкин был твёрдым троечником. Иногда и не твёрдым. Но он занимал первые места в танцевальных состязаниях и приносил славу нашей школе, поэтому его кандидатуру даже не обсуждали — брали учиться дальше без вопросов.

Зайдя в столовую, уже полную родителей и школьников, моя мама, ничтоже сумняшеся, направилась к Лёвиной маме и села с нею рядом. Отсаживаться от мамы не пришлось бы мне в голову, и мы с Лёвой оказались, как говорится, лицом к лицу. Делать вид при мамах, что мы друг друга не замечаем, тоже не имело никакого смысла. Мама же и вовлекли нас в совместный разговор о планах на будущее и выборе профессии. Мы с Лёвой заговорили и сразу стали шутить и смеяться над мелочами.

Как и я, Лёва был смешливым мальчишкой, и нам даже было сделано замечание, чтобы мы не мешали собранию. Я абсолютно не помню, о чём говорилось в тот день в школьной столовой, а смех Лёвин помню хорошо. И что мне не хотелось с ним расставаться. С собрания мы ушли друзьями. Более того, я в первый и в последний раз не радовался наступающим летним каникулам, ведь из-за них я не увижу Лёву целых три месяца. Помню, я недоумевал: как мог не смеяться с ним вместе над нелепыми мелочами целых шесть лет?!

5.

Кто обитает на дальних планетах?

Медузы когтистые, змеи-поэты,

С хоботом многоножки,

Плюющиеся картошки,

Черви, как зайцы ушастые,

И баклажаны клыкастые!

Ну а на Марсе в подземной пещерке

По красному морю скользят водомерки:

Ножки — тонкие спицы,

Чирикают, словно птицы,

Гигантские, двухметровые

И, кажется, безголовые.

Теперь отвечай, поразмыслив об этом:

Ты так же стремишься к далёким планетам?

А может, приятнее, Димочка,

С котом на диване в обнимочку?

Пушистым, уютным котиком

С полосатым животиком!

Мы оставили автомобиль в тоннеле и отправились к подземному озеру петляющим коридором. Он освещался тускло — я не стал включать полный свет в целях экономии. Лёве и так впечатлений хватит.

— А в школе нас учили, что жизни на Марсе нет, — улыбался он.

— А в школе нас учили, что в Солнечной системе девять планет и кандидат в десятые недалеко — Икар, — отозвался я с усмешкой. — А как только мы школу закончили, так учёные сразу сговорились, что планет восемь и океанов на Земле пять, а не четыре. Руководствуясь законом сохранения энергии, похоже, если где-то убыло, то в другом месте... Осторожнее, сейчас захватит дух!

Коридор вывел нас к гигантскому зеву Марсианской пещеры, уходящей далеко наверх и спускающейся много ниже, к Красному озеру. Для усиления эффекта подсвечивалось оно тоже красными фонарями.

— Ох ты ж...

Мы ступили на площадку из розового марсианского стекла — и ровная гладь озера оказалась прямо под нами.

— Японцы построили такую красоту, — рассказывал я заворожённо смолкнувшему

Бармалею. — Планируется, что на Марс наладят туристические экскурсии, и это будет одна из обязательных к посещению достопримечательностей. Самая большая марсианская пещера. Несколько уровней наблюдательных площадок, соединённых прозрачными лестницами и мостами, чтобы не мешать обзору. Собственно, мы и называем это сооружение хрустальным мостом. Спустимся ниже? Хочу тебе показать жизнь на Марсе.

Не дожидаясь ответа, я шагнул к лестничному пролёту.

— Нас тут не сожрут? — поинтересовался Лёва. Он не отставал, следовал по пятам.

— Вот и проверим, — пропел я в ответ.

Лёва усмехнулся.

— Почему она так сверкает? Пещера рубиновая?

— Просто лёд. Озеро тоже по краям льдом сковано, и стены ледовой коркой покрыты, потому и сверкают, как в замке волшебника Черномора. Давай на самую нижнюю площадку спустимся. Ближе будет интереснее. Тут этажей двадцать. На лифте поедем? Они тоже прозрачными сделаны.

— Так тут лифты есть! — возмущённо загромыхал Лёва. Эхо подхватило его басок, поволокло по пещере, расщепило, размножило, и ледышки отозвались звоном. — Чего ты меня тогда по лестницам таскаешь? — добавил Бармалеище тише, когда эхо наконец стихло.

— Замковой, когда ты так обленился? — я выждал лифт. Он бесшумно открыл двери через несколько секунд. — Японцы постарались специально для тебя. Система сама определяет факт нахождения людей в кабине — и тогда лифт движется в режиме наблюдения, неторопливо, чтобы успеть полюбоваться красотами с любой стороны.

— Глубокие?

— Озеро-то? Да до сих пор не установили глубину. На дне несколько расщелин, уводящих в тартарары. Можно сказать, что в нём нет дна вовсе. Вопрос вычисления глубины потребует дополнительных исследований, весьма и весьма глубоких. Возможно, нас ждёт ещё немало сюрпризов.

Лифт остановился — и мы вышли на площадку, устроенную метрах в пяти от поверхности озера.

— Поверь мне, в космосе столько странного, не поддающегося научным объяснениям! — вдруг изрёк Лёва.

Это прозвучало так наивно, что я не мог не засмеяться. Тоже мне, открыл Америку! Да ещё кому? Мне, тёртому космосом калачу.

— Смейся-смейся, Доктор Дима! Похоже, тебе ещё многое предстоит открыть, прежде чем и ты, вслед за Сократом, признаешься, что ничего не знаешь...

— Ладно тебе, философ, — оборвал я его. — Смотри, водомерки плывут.

— Ох ты ж, ёшкин кот, — про кота Лёва вставил мне в угод, безусловно, — да это же кони плавучие, а не водомерки. А где у них голова?

— А поди разберись, — пожал я плечами. — Может, голова нужна не всем.

И чуть погода добавил:

— Какой в ней толк?

Бармалёва молчал. Наверное, тоже не знал.

По озеру, освещённые красными фонарями, плыли марсианские водомерки. Они двигались хаотично — как совсем недавно Лёва вёл машину по институтскому тоннелю, хвастаясь своим крутым нравом и водительским бесстрашием. Водомерки то группой устремлялись к какой-то цели, быстро и синхронно перебирая тонкими лапками по поверхности озера, то внезапно замирали, забыв, куда только что спешили, а затем бросались враспыленную и снова замирали через пару секунд.

Иногда казалось, что это команда фигуристов вышла на лёд и пытается составить некие фигуры. Только никак не договорятся, какие именно. От лапок их расходились по озеру еле заметные круги-волны.

— Сколько в них расту? — прошептал Лёва.

— Взрослые особи достигают метров двух в длину. Малыши — сантиметров тридцать, не больше.

— А питаются чем?

— Отрицательными героями детских сказок.

— Ну, ага... Бородатыми, ещё скажи.

— Исключительно бородатыми.

— Ну серьёзно!

— Ввиду отсутствия головы и ротовой полости не питаются ничем.

— И так вымахивают! Пухнут от голода?

— На внутренних дрожжах, Лёв. Поднимемся по лестнице на пролёт выше? Оттуда виден тоннельчик...

Мы уже почти одолели пролёт, когда заговорила рация. От неожиданности у меня сердце подпрыгнуло.

— Доктор, Доктор, приём, это...

Далее всё съели помехи. Но я узнал голос, конечно. Это была Оксана, старший лаборант института. С позывным «Лисица».

— Лисица, Доктор на связи. Какие-то помехи на линии. Повторите.

Рация молчала, лишь слегка потрескивала. Чувствуя неладное, я отодвинул наушник от уха — и сделал это вовремя, потому что рация выдала волну оглушительного треска. И сразу же замолчала. Одновременно с ней все фонари в пещере синхронно мигнули и погасли. Я едва успел ухватиться за поручень лестницы, чтобы не потерять равновесие. Лёва не удержался или споткнулся о ступеньку и навалился на меня. Вывернутая в плечевом суставе рука отозвалась диким приступом острой боли, но я смог удержаться, поставив вторую руку опорой на ступеньку, и Лёву удержать. Он быстро распрямылся.

— Прости, я от неожиданности.

— Всё нормально. Всё хорошо. Без паники!

Пещера погрузилась в крошечную и беспроглядную темноту.

И мы вместе с нею.

6.

Оксана падала, смеясь,

С вершины параллелограмма —

На голове противогаз,

А сверху летняя панاما.

Шутя, скатилась до угла:

«Я одарённая актриса!

Пускай гордится вся страна

Оксаной в роли биссектрисы!»

(Исполняется на мотив песенки

И. Николаева «Дельфин и русалка»)

В десятом классе, в начале нового учебного года, мы с Лёвой наконец сели за одну парту — на самую первую в среднем ряду. Время от времени крайние ряды было принято менять местами из соображений профилактики косоглазия у школьников. А средний ряд всегда оставался на своём месте и причулся вообще не смотреть по сторонам, а глядеть только прямо. В светлое будущее. Но наши с Лёвой головы были вечно повернуты в сторону. На соседнем ряду, также на первой парте, параллельно нам, сидели две девушки-хохотушки нам под стать — Лена Кобылякова и Оксана Шляхтич.

Как щекотать интересно только тех, кто щекотки боится, так и смешить приятно только тех, кто звонко смеётся. А тут мы собрались в одну горизонталь — четыре любителя похототать. Бинго!

К слову, Лёву я больше не щекотал и вообще никого никогда не щекочу. Уволил урок, преподнесённый школьным ботинком. Щекотать словами оказалось намного приятнее и безопаснее.

Однажды на нашей парте стихийно организовался «самиздат». В ту пору я заболел «Анжеликой» Анн и Серж Голон. Папа ушёл из нашей семьи, но приходил меня проводить. Однажды принёс мне книжку в тёмно-буром переплёте и вручил со словами:

— Тут французы для тебя книгу написали.

Я не сразу стал её читать — из-за обиды на отца, но фраза «для тебя написали» всё-таки задела за живое и заставила меня открыть «Анжелику». А закрыть я её смог, лишь дочитав до последней страницы. И, конечно, залился горячими и чувственными слезами. Не мог поверить, что так трагично всё могло закончиться. Как можно было так поступить с читателями, не оставив им никакой надежды на лучшее?

Мои «страдания юного Вертера» успокоила Оксана Шляхтич, сообщив, что у романа есть многотомное продолжение — и она его уже прочитала. На переменах Оксана пересказывала мне

подробно приключения Анжелики — делала это весьма артистично, подключая разные интонации голоса и жесты. Наконец узнал я и о встрече Анжелики с любимым супругом Жоффреом спустя много лет после того рокового расставания.

Успокоенный счастливым разрешением всех злоключений зеленоглазой француженки, я стал писать шуточные нерифмованные стишки, героиней которых была эксцентричная и попадающая в глупые ситуации Анжулика.

Вот, например, самое начало истории «Анжулика и ветер»:

Рукой дрожащей Анжулика

Открыла дверь и вышла в полночь

В осенний сад, где шорох листьев

Скрывает шум её походки... —

помню я наизусть и сейчас. Дальнейшее безнадежно потеряно и стёрто из памяти.

В подражание французам, написавшим для меня книгу, из-под моей шариковой ручки вышел целый цикл стихотворений, называемых с издёвкой поэмами: «Анжулика и кастрюля», «Безумная Анжулика», «Анжулика в шкафу» и так далее. И, конечно, в первую очередь мне хотелось поделиться всей этой забавной чепухой с погружённой в тему Оксаной Шляхтич.

Я аккуратно рвал поперёк тетрадный лист, складывал его двухстраничной книжицей и старательно печатными буквами вписывал внутрь текст. Далее подключался к работе Лёва. Он витиевато писал заглавие на титульном листе, оформлял его узорами и талантливо сотворял иллюстрации, втискивая их в имеющиеся пустоты. В первый день он рисовал обычной ручкой с синей пастой, но уже на следующий день в его пенале красовались цветные карандаши. Красиво оформленная книжица нашего с Лёвой «самиздата» первым делом отправлялась на соседнюю парту к Оксане с Леной, нашим первым читательницам, а уже потом гуляла по всему классу, вызывая смешки.

Когда серия из двенадцати книг про Анжулику была окончена, стали появляться стихотворные небыллицы про Оксану — и не было ничего на свете чудеснее, чем слушать звонкий смех моей музыки и вдохновительницы.

Однажды с Оксаной случилась беда:

Она стала жидкою, словно вода!

Журча, налила себя в тазик больничный,

А мама сказала ей: «Так неприлично!»

Не проходило и дня, чтобы мы не выпускали с Лёвой миленькую книжицу, прыскающая от хохота. Мне пришлось перебрать все свои старые тетради, чтобы добыть в них неиспользованные тетрадные листы в клеточку. Лёва тоже был

захвачен поиском расходного материала и время от времени сам становился одним из героев этих поэтических виршей.

Лёва, Лёвушка, художник,
Нарисуй в тетрадке дождик,
Чтоб по русскому двойбас
Подразмок, согнулся ловко
И в красивую пятёрку
Превратился в сей же час!

Это была уже не просто дружба, а сотворчество. Без Лёвы у меня выходили кривые и неказистые книжки без картинок, а у него без меня — только рисунки без стихов.

Наконец я дорос до повести, действующими лицами которой стали наши одноклассники. На пожертвованной ради высокого художественного замысла чистой тетрадке я вывел крупными печатными буквами название: «Шарик», — ещё не зная, о чём будет повесть.

А Лёва, трясясь от смеха, приписал рядом, копируя мою манеру письма: «в попу закатился». И весь урок мы просто давились смехом, лёжа на парте, до изнеможения хохотали над этой дурашливой глупостью и чуть было не были изгнаны из класса, но сдержать приступы смеха не удавалось.

Как ни странно, повесть всё-таки была написана и красочно оформлена.

«Сотворчество», я сказал? Нет-нет, сосмеятельство, скорее. Что больше и крепче любой дружбы, как нам тогда казалось.

7.

Я караулил с вечера звезду,
Не отводя от небосклона взгляда.
Одну всего — мне много их не надо,
Ведь и мечту имею я одну.
А коль мечтаешь только об одном,
Зачем тебе каскады звёзд небесных?
Пусть остаются в небе — там не тесно,
Ведь безграничен, говорят, их дом.
И люди все, кто на Земле живёт,
Умерят пусть желания и тосты.
Ведь если часто звёздный дождь идёт,
То опустеет вскоре небосвод —
Так много тех, кто звёзд паденья ждёт,
И мало, кто зажечь умеет звёзды!

Бармалео выругался.

Я мог морщиться сколько угодно — он всё равно не видел моей кислой физиономии. Мы оказались в крошечной тьме, в которой не было абсолютно ничего.

Пусть себе ругается. Я хотя бы убеждаюсь, что я тут не один.

Рация молчала, но я периодически подносил её к губам и повторял:

— Лисица, приём, это Доктор. Лисица, ответьте! Меня слышит кто-нибудь?

— Дим, да перестань уже! Не слышит тебя твоя Лисица, — Лёва заворочался, задев меня локтем. — Я сяду на ступеньку. Ноги не держат. Что-то я струхнул порядком.

— Да, присядь, лучше пока никуда не двигаться. Надо оставаться на месте.

Он зашуршал рядом, сел.

— Когда стоишь в такой темноте, кружится голова. Кажется, что сейчас невольно свесишься через перила и бухнешься в ваше озеро без дна. На радость водомеркам.

— Сейчас включится запасной генератор, — уверенно заявил я. — Минуту подождать всего...

— Тс-с-с, — оборвал меня Лёва. — Тут что, птицы есть? — зашептал он возбуждённо. — Кто это чирикает? Воробьи? Марсианские двухметровые воробьи?

Я привалился к перилам и, опираясь на них, опустил на ступеньку, стукнув при этом Лёву коленями.

— Э-э-э, осторожнее, Доктор, — тут же отозвался он, — прямо по зубам засветил.

— Не выставляй зубы, — огрызнулся я.

— Я для птиц выставил, чтоб боялись подлететь.

— Это водомерки чирикают.

— Да как они чирикают? У них же головы нет!

— Ногами чирикают.

— Ногами? Как кузнечики? А-а-а, так это суставы от старости скрипят, — хохотнул Лёва. — Когда твои резервные генераторы включатся уже? С детства терпеть не могу темноту!

— Мои. Мои генераторы включены. А вот почему система не включается, не знаю. Может, сильный поток солнечной радиации нас настиг? Но обычно резервная сразу срабатывала. А тут и в скафандре подсветка не пашет. Что за ерунда?!

Я щёлкал тумблерами на скафандре — безрезультатно.

— В общем, ты знаешь, что ничего не знаешь, — подытожил Лео.

Я решил на это не отвечать.

— Ты там переключателями осторожнее щёлкай, — предостерег он меня, — а то, чего доброго, нажмёшь что-нибудь не то и катапультируешься.

— Здесь нет функции катапульти. Если резерв не включится, поползём на ощупь по лестнице наверх, к тоннелю...

— Долго ползти придётся, однако.

— Я и сам в полной темноте неуютно себя чувствую. Ты знаешь, я же после Семипалатинска поехал учиться в Красноярск, — в полной темноте лучше было не молчать, вот я и решил рассказчиком побыть. — Сколотили мы там студенческий ансамбль вокальный: три парня, три девушки, — и довольно успешно с ним выступали. На гастроли по окрестным деревням ездили. Даже на Крайнем Севере

были. Как-нибудь расскажу. А тут поехали однажды в Новосёлово — село такое между Красноярском и Абаканом, километров примерно в двухстах от того и другого. На берегу водохранилища. Приехали туда с ночёвкой, нас накормили и в деревенском доме приютили. Но мы же просто лечь спать не можем на новом-то месте, вечером решили прогуляться — на берег водохранилища сходить. Романтики! Как сейчас помню, это конец сентября был. Ну, пока по селу шли — были весёлые, раззадоренные, шутили, балагурили. А как дома закончились, задворки да поле с кочками начались — тут-то и притихли. Мы с одним пареньком, тоже Димой, молодые кони, бегом побежали в сторону моря, с улюлюканьем и ржанием. Да ход вскоре сбавить пришлось. Потому что темень глухая, ничего не видать, и непонятно, когда земля под ногами закончится и в воду упадёшь. А вдруг берег обрывом? На небе — ни звёздочки, пасмурно было. И вот я слышу голоса девчат за спиной, что от нас поотстали, оборачиваюсь — и ни деревни за спиной не видать, ни разобрать, откуда точно голоса раздаются. Вот тогда-то меня паника и охватила: куда мы шли, откуда, как вернуться, чтобы с обрыва не упасть, — ничего не понимаю! Сесть и ждать рассвета — замёрзнешь: осенние ночи в Сибири-то не тёплые. Закричал я: мол, ребята, заблудился я, не знаю, где земля, где небо. Хорошо, что они телефонами посветить догадались — ориентир появился. Говорю: не крутитесь, чтобы направление не потерять. Слава Богу, выбрались тогда. А я впервые понял, что такое темнота, когда глазу зацепиться не за что. Мы-то, городские, настоящей ночи и не видели никогда. Как в космос впервые полетел, то новосёловскую эту прогулку сразу вспомнил. Вот и сейчас...

Мы посидели немного в тишине.

— Лёва, ты тут?

— Тут, конечно. Куда я денусь?

— Лёв, скажи мне честно: почему ты тогда ушёл?

Кровь запульсировала у меня в ушах от волнения, я сам себя плохо слышал. Но слово — не воробей.

— О чём ты, Доктор Дима?

— У тебя вся жизнь была впереди.

— Дим, ты чего? Не пугай меня. Ты о чём сейчас вообще?

— Ты знаешь о чём, — ещё немножко — и сердце бы выскочило прямо через уши и покатилося по ступенькам вниз. Меня замутило. — Я тут тебе про полную темноту рассказываю. Про Новосёлово. Дурень полный! Расскажи, как тебе было шагнуть в темноту.

Лёва молчал.

— Не страшно? — не отступал я. — Куда там идти потом? Вниз? Вверх?

— Замолчи, — выдохнул он.

— А маму не жалко?

— Остановись ты, чумовой! Погоди, — заторопился он. — Выдохни, Доктор. Это всё темень на тебя

действует. Успокойся. Кто тебя в космос с твоей психикой расшатавшей взял? Ты всегда психом был.

— Спасибо, Лёва, — кажется, я собрался обидеться на него и замолчать. — А ты всегда умел перевести стрелки.

— Неправда, — возразил он.

Я кусал губы от досады.

— Ты опять надулся? Может, замолчишь опять на шесть лет?

А я и так молчал.

— Постой, у меня есть кое-что для тебя.

Он зашуршал, заворочался, запыхтел, как паровоз, а потом облегчённо выдохнул — нашёл, похоже, чего искал.

— Но сначала пообещай не смеяться.

— Лёва, ты разве не видишь? Мне совсем не до смеха!

— Не вижу. Ничего не вижу. Абсолютно. Потому что резервы твои включаться, похоже, не собираются. Но раз ты говоришь, что тебе не смешно...

— Не смешно, — подтвердил я.

— Тогда самое время. Помнишь, я рассказывал тебе, что четыре года прошоферил на Европе?

— Да, луна Юпитера. Конечно, помню.

— Протяни руку.

— Куда? — буркнул я. — Опять тебе по зубам попаду.

— Я спрятал зубы, — он снова говорил в своей насмешливой манере. — Ты велел — я спрятал. Ты теперь свои спрячь. Протянул руку?

Я аккуратно выставил руку вперёд. Он ухватил её, перевернул ладонью вверх, вложил что-то и сам же сжал мои пальцы в кулак:

— Не вырони только. Это очень большая ценность. Бесценность даже, я бы сказал.

Я осторожно ощупывал предмет в ладони. Круглый. Поменьше теннисного мячика. Не тяжёлый, но весомый. Оттого, что я напрягал глаза, показалось, что вижу искорку.

— Это упавшая микровозвезда, заключённая в стеклянный шар. Ей миллиарды лет, но она по-прежнему светится.

Я хмыкнул.

— Ты обещал не смеяться, Дим.

Так, значит, искорка действительно была. Внутри шарика она светилась, и, несмотря на её малость, глядеть на этот огонёк было больно.

Я сжал шарик двумя пальцами и поднёс к Лёвиному лицу — мне хотелось выхватить его из крошечной темноты, высветить, облечь в плоть его голос. Но я только стукнул его шариком по лбу и чуть не выронил подарок из рук.

Лёва ругнулся опять.

— Ты всё-таки задался целью меня покалечить, дохтур?

— Прости, хотел посветить на тебя.

— Эта звезда слишком мала, чтобы осветить хоть что-то в нашем мире. Но...

Он выдохнул тяжело и долго, словно собираясь с духом, чтобы сказать:

— Но она по-прежнему сильна исполнить загаданное желание.

— Ты шутишь? — устало отмахнулся я.

— Ничуть, Доктор Дима. Только надо знать, чего именно ты хочешь. Не истратить желание попусту. Потому что другого шанса не будет. Таких звёзд больше нет — во всяком случае, в досягаемости для нас с тобой. Да и для любых землян. Я случайно нашёл её на Европе.

Темнота имеет странную силу. Даже бывалый доктор биологических наук, тот самый тёртый космосом калач, может превратиться в ней в мальчишкучемчателю и поверить, что можно загадать желание и что-то исправить в прожитой тобою жизни. Мне потребовалось усилие, чтобы не поддаться этой магии и не проявить слабость:

— С чего ты взял, что это звезда? Мало ли кто обронил этот шарик... Может, это деталь от какого-то механизма или от чего-то ещё.

— От чего? — я опять слышал насмешку в его голосе. — Ты опять вклинил Доктора, Дим. Со мной можешь не быть таким скептиком. Если хочешь знать, то я услышал его.

— Кого — его? — меня задевало, что он словно видит меня насквозь, даже в крошечной тьме.

— Я услышал о нём, я уловил знание, — ответил Лёва как-то холодно, словно обижаясь на то, что я вынуждаю его облекать в слова то, что трудно выразить словами. — И если ты перестанешь артачиться, возможно, ты тоже услышишь.

Вот тут и наступила тишина, в которой, как мне показалось, я мог услышать что-то действительно важное. Даже чириканье водомерок ушло на второй или третий план и... Как вам описать то, что со мной происходило в тот момент? Я словно бы услышал какое-то приближение космоса, дыхание его, словно вот-вот прозвучит нечто, что даст мне знание. И в самый пик моей истончённости и открытости глаза резануло — включился свет, а вместе с ним завопила сигнализация и зашипела рация.

Я на минуту ослеп и оглох. Зажмурился и сжался в точку.

Когда же разжал веки, то испугался так, что чуть не потерял сознание... Лестница передо мной была пуста!

Я вскочил на ноги и спустился до нижнего пролёта. Тут наконец-то голос вернулся ко мне — и я выкрикнул хрипло что есть мочи:

— Лёва, Лёва, ты где? Не шути так, пожалуйста! Ты где? Лёва-а-а!

Его напугала вспышка света — и он упал в озеро? А я не слышал всплеска?

Я схватился за перила, чтобы свеситься вниз и увидеть Лёвину спину под толщей красной воды, хотя надобности в этом не было — лестничные пролёты были прозрачными, и я ясно видел, что, кроме

меня, в пещере никого больше нет. И в воде никто не тонет. И по воде не ходит. Водомерки разбежались, испугавшись сирен и моего крика.

Зато шарик, шарик, который я держал в руке и о котором в панике совсем забыл, как только я разжал пальцы и схватился за поручень, выпрыгнул из ладони и упал камнем в озеро, не подняв брызг, и мгновенно скрылся в воде. Ушёл в бездонную пропасть и увлёк с собою крошечную звёздочку, в нём заключённую, которую я так и не разглядел. И не расслышал.

Поднявшись к машине, я запросил у системы данные о водителе Бармалео, но оказалось, что такой в списках прибывших на Марс не значится. Обеспокоенный моим взлохмаченным видом, Юрий Иванович горячо заверил меня, что катер с двумя практикантами-водителями прибудет только через неделю, и поинтересовался, не случилось ли чего.

Ничего не случилось. Ничего и никого.

Лео бар ма? Жок па', похоже...

Последним ударом для меня стала запись внутрикабинного регистратора в машине. На видео я, садясь на парковке института в пустой автомобиль, говорю, обращаясь в никуда: «Опытное поле номер два, затем семнадцатый водоучасток, и завернём по пути в одно местечко на поверхности, я покажу. Ну и вернёте меня назад...» А навигатор отзывается: «Опытное поле номер два. Поехали».

Снова и снова просматривая эту запись по пути от водоучастка до института, я злился и плакал от досады. Я не мог спокойно смотреть на то, как на экране я буднично и раздражённо беседую с навигатором, а потом утыкаюсь в планшет и всю дорогу то ли дремлю, то ли думаю о чём-то.

Я весь покрылся испариной. Если об этом хоть кто-то прознает, меня спишут на Землю в лечебницу для психических. Из докторов сразу в пациенты... Это психоз. Марсианский психоз. Я устал. Устал, и мне привиделось...

А шарик?

— Я потерял, Лёва, прости. Я потерял твой шарик. Потерял звезду. Таких больше нет во Вселенной, а я потерял... Прости меня. Прости меня, дурака! — шептал я одними губами.

Много позже я решу, что кто-то другой однажды обязательно найдёт этот шарик со звездой. Может, ему он будет намного нужнее, и он использует тот шанс, что по глупости упустил я. Он будет однозначно рассудительнее и лучше меня. Он не станет разманиваться по мелочам и исправлять собственные ошибки. Он загадает то самое, единственно нужное этому миру. И наши души, печальные души давно ушедших и не упокоившихся людей, тоже вздохнут с облегчением.

.....
1 Лео бар ма? Жок па (каз.) — Лео здесь? Нет его.